

Цыплаков Д. А., Цыплакова С. М.

D. A. Tsyplakov, S. M. Tsyplakova

**ПАСХАЛЬНЫЕ И РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ
В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**

**EASTER AND CHRISTMAS CUSTOMS AND TRADITIONS
IN FOLK CULTURE TOUR OF THE SOVIET PERIOD**

Цыплаков Дмитрий Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, преподаватель Новосибирской православной духовной семинарии Новосибирского государственного педагогического университета (Россия, Новосибирск); 630126, г. Новосибирск, ул. Виллойская, 28. E-mail: tsypl@ngs.ru.

Mr. Dmitry A. Tsyplakov – candidate of philosophy, associate Professor, teacher of the Novosibirsk Orthodox theological Seminary of the Novosibirsk State pedagogical University (Russia, Novosibirsk); 630126, Novosibirsk, 28 Vilyuyskaya str. E-mail: tsypl@ngs.ru.

Цыплакова Светлана Михайловна – кандидат культурологии, доцент кафедры библиотечного дела и социально-культурной деятельности Новосибирского государственного педагогического университета (Россия, Новосибирск); 630126, г. Новосибирск, ул. Виллойская, 28. E-mail: tsypl@ngs.ru.

Ms. Svetlana M. Tsyplakova – candidate of cultural studies, associate Professor of the Department of library science and social and cultural activities of Novosibirsk state pedagogical University (Russia, Novosibirsk); 630126, Novosibirsk, 28 Vilyuyskaya str. E-mail: tsypl@ngs.ru.

Аннотация. Современный российский социум в аспекте религиозной культуры появился в итоге непростых процессов секуляризации. Однако исторически вера входила и входит в структуру мира народных обычаев и традиции. Учёт этого фактора нужен при описании русской культуры, а также в религиозно-ведческих, социологических и исторических исследовательских работах. В данной публикации рассматриваются пасхальные и рождественские обычаи и традиции в народной культуре в секулярное советское время. В докладе анализируются структуры жизненного мира наших современников на базе анализа биографий. Определяющим моментом возвращения религии в жизненный мир социума, «религиозного ренессанса» последних десятилетий стала близость православного вероучения, культовой практики и жизни к культуре народа.

Summary. Modern Russian society emerged as a result of difficult processes of secularization in the aspect of religious culture. However, historically, the faith was part of the structure of the world folk traditions. Consideration of this factor is needed when describing Russian culture, as well as in religious studies, sociological and historical research works. This paper discusses Easter and Christmas customs and traditions in folk culture in secular Soviet times. The report analyzes the structure of our contemporaries' life, based on the analysis of biographies. The decisive moment of the last decades of the religion return to the life of the society of «religious renaissance» was the proximity of Orthodox dogma, cult practice and life to the culture of the people.

Ключевые слова: религия, секуляризация, народные обычаи и традиции.

Key words: secularization, religious structures of life, traditions of soviet people.

УДК 008:2

Народная культура – важный пласт, основа социальной культуры в целом. Культура в широком её понимании есть всё, что транслируется, то есть то, что (помимо биологической наследственности) считается важным и ценным для передачи из поколения в поколение. В этом смысле культура образует «ткань» социума, формирует общество в его специфических отличиях от природы. Общество, таким образом, становится продуктом культурного развития, формируется культурой, которая в её наиболее древних, базовых и устойчивых образцах принадлежит наследию народа, является его неотъемлемой частью.

Народная культура как наиболее консервативный, статичный элемент культуры хранит и оберегает значимые ценностные доминанты общества, а потому она является социально-формирующим компонентом, без которого распадается общество. Область ценностных доминант, безусловно, включает в себя и ценности религиозные, составляющие важный элемент жизненного мира людей. Их изучение является неизменно актуальным для гуманитарных и социальных наук. По мнению С. Л. Франка, теоретическое рассмотрение общества должно «с самого начала исходить из религиозного убеждения (подтверждаемого историческим опытом и углублённым рассмотрением общественной жизни), что есть вечные, вытекающие из существа человека и общества закономерности, которые человек хотя и может нарушить, но которые он не может нарушать безнаказанно и которые поэтому определяют истинную цель его стремлений. Человек не есть свободный хозяин своей жизни; он есть свободный исполнитель высших велений, которые вместе с тем суть вечные условия его жизни» [5, 35].

Таким образом, жизненный мир человека как члена социума включает в себя религиозные представления (а народная культура всегда была носителем этих высших ценностных элементов), собирает их в себе как неизменную органическую часть.

Советская секуляризация, проводимая с 1918 года, включала не только юридический, но и ценностно-культурный компонент. Термин «секуляризация» в данном контексте понимается нами как «процесс обмирщения, возникновения светского общества» [4, 204]. Задача советской секуляризации (декларировавшаяся уже не как буржуазная, а как марксистская) состояла в полной элиминации религии как социального явления. Весной 1918 года был создан восьмой ликвидационный отдел Народного комиссариата юстиции для осуществления декретов Совета Народных Комиссаров по отделению церкви от государства. Секуляризация проводилась силовыми методами, в том числе через уничтожение активных носителей несекулярного (религиозного) мировоззрения для формирования секулярного общества, в котором религиозные ценности в жизненном мире должны были быть замещены атеистическими конструктами. Жизненный мир верующих людей выпадал из «пространства имманентной рамки» (по выражению Ч. Тейлора). Имманентная рамка (immanent frame) – термин Ч. Тейлора, введённый им для того, чтобы описать существование секулярного индивидуума в секулярном социальном пространстве («...the buffered identity of the disciplined individual moves in a constructed social space, where instrumental rationality is a key value, and time is pervasively secular. All of this makes up what I want to call “the immanent frame”») [8, 543].

Таким образом, верующие становились препятствием для формирования имманентного секулярного пространства, для построения социализма и коммунизма. В настоящее время, оценивая результаты такого масштабного социального эксперимента по изгнанию религии из социума, можно сказать, что он так и не был выполнен. Религиозные обычаи и традиции продолжали оставаться важной составляющей частью народных обычаев и традиций и в секулярное советское время. Среди них выделялись главные православные праздники – Рождество и Пасха.

Приведём воспоминание респондента (род. в 1939 году) о праздновании Рождества Христова в белорусской деревне Бозок Осиповического района Могилёвской области, данное им в интервью (произношение респондента по возможности сохранено).

– Значит, у вас в деревне колядовали, да?

– Да, я цыганкой была, колядовала, цыган у меня был и цыганята, молодёжь вся, школьники. Ходили по хатам колядовали. Я гадала, цыган менял кони, шуткой такой всё. Нам давали булочки, пироги. Целые мешки наколядовали, помню.

– Ну, я почему-то была цыганкой. Не знаю почему, приставала к людям – гадала всем, что-то говорила. Весялились. А пели колядки. Первым голосом, высоким, я пела. Без меня никто не мог петь. На улицах собиралась молодёжь и все ночь поём.

– А на Пасху какие песни пели?

– Разные тоже пели. Я запомнила Пасху. Меня бабушка водила в церковь ко Всенощной за 12 км. Это было очень радостно!

– А яйца красили?

– Да, красили. У битки играли. Мужики повыходят на улицу, и у битки, чьё яйцо крепкое выбивают, у кого побьют яйцо, забирают. Всялились люди тогда.

– Кулички пекли?

– Конечно, мама столько куличей пекла и сыр делала, масло делала. Справляли Пасху.

– Освящали кулички и яйца?

– Да, это моё дело было освящать.

– Ходили в церковь?

– Не в церковь, – батюшка приезжал у Вязовницу, другую деревню, и мы со всех деревень вокруг шли с узелочками, в основном дети, расстилали на улицы свои салфеточки и ложили еду. А батюшка ходил освящал. Это моё дело было освящать Пасху. А на Миколу (св. Николай) церковь у нас была в деревне, маленькая, на кладбище. На Миколу у нас был праздник, мама готовилась, все люди готовились. Кирмаш был. Приходили гости с других деревень, родня съезжалась. Много народу, танцы были потом. И вот наша детская была работа – храм вымыть. Ходили в храм – мыли полы, убирали, потому что батюшка приедет.

– Это после войны всё было?

– Да, после войны. Я во время войны совсем маленькая была. Во время войны ничего не было. Там только немцы орудовали. Бабка говорит, что деревню спалили, людей побили. У нас всю деревню спалили, только одна хата осталась, почему-то и колхозный сарай; 750 человек спалили.

– А после войны вы на Пасху на кладбище ходили?

– На могилки. Нет, не на Пасху. В какой-то день... в четверг. На Радоницу, дяды были. У нас в четверг был такой порядок. Пасха, Вяликодзень, у воскресенье, а потом Пасха мёртвых. Батюшка приезжал с певчими, освящал могилки ходил. А батюшка был наш сват. Мой двоюродный брат на его дочке был женат. К нам в гости приезжал. Домой ехали на конях, на подводах, машин тогда было мало.

– А на Пасху друг к другу ходили в гости?

– Да, на Пасху, ой! Яйца покрасят. На вулице гуляли у битки. Помню, папа навьбирает яйца покрепче. Дети себе играли, мужики себе.

– Запрещали Пасху праздновать?

– Нет, не гоняли. У нас никто не гонял никого в деревне.

– И в школе?

– Нет, в школе нас ругали. Как только приходили в школу, нас помещали в стенгазету.

– Помню, ходили жабровать (колядовать). Пошли по хатам колядки гулять, «жабравец» называлась. Надо были во все хаты зайти. К кому не зайдёшь, так обижаются. И вот помню, приходим мы в школу после праздника. А в школе на нас стали кричать «Цыганы, цыганы!»

– Дразнили?

– Да. А потом выпустили стенгазету и нас пропесочили, как мы ходим по хатам. Деревня Вязовница считалась культурная. Они не колядовали, там и школа была. А мы праздники отмечали по-старинному. Как я пела, – в другой деревне слышно было!

– Народные песни?

– Да, народные.

– Церковные песни пели?

– Церковные почти не пели. Бабушка меня научила молитве «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся». С бабушкой молилась. А так в деревне не пели.

Тот же респондент вспоминает детские годы – это 40-е годы XX столетия, после войны: Все храмы поблизости закрыли. В нашем селе на кладбище, в местечке Липень, храм закрыли, перенесли под клуб. Остался один храм далеко, на старом кладбище, в лесу, в деревне Кобылянке. По праздникам в этот храм приезжал батюшка и служил литургию. Особенно много людей собиралось в этот единственный храм на Пасху. Приходили и взрослые и дети. Мы детьми стояли на ночной пасхальной службе, потом уходили в притвор и засыпали на соломе. Радостный этот был сон и крепкий под звуки пасхальных молитв. Потом и этот храм закрыли. Батюшка уехал на Украину. А люди стали праздновать пасху дома.

Почему для раскрытия данной темы мы обращаемся к анализу биографий, собранных в ходе интервью? Биография человека детерминирована его историей, предшествующим опытом. И в этом смысле она уникальна. Но сведение воедино всех релевантностей будет конституировать те типические черты, которые могут стать базисом обобщающей типизации, то есть аспекты этих черт являются схожими для многих биографий, но что-то в них будет одновременно спецификой и уникальностью.

Изучая биографии людей, живших в советский период, мы попытаемся рассмотреть истории их жизней в контексте того, каким образом они [эти люди] взаимодействовали в те годы с религией и религиозным в широком смысле слова. Условно и с неизбежными упрощениями назовём нашу малую выборку «Сельские жители», учитывая географический критерий проживания. Возможность использовать данный метод для изучения жизненного мира верующих продемонстрировал К. С. Дивисенко, методологией которого мы ниже и воспользуемся [1, 98].

Опрошенный нами респондент родился и жил определённое количество времени в Советском Союзе. В биографических нарративах советская действительность воспринимается, скорее, негативно обеими группами респондентов, однако своим, специфическим образом, что позволила нам выявить актантная аналитическая модель, описание которой приведено в табл. 1.

Таблица 1

Актантная модель биографического нарратива в советский период

Актанты биографического нарратива	Выборка «Сельские жители»
Субъект/Объект	Рассказчик / Духовная жизнь
Помощник/Противник	Храм, религиозные артефакты, фольклор / Советская власть
Адресант/Адресат	Родители, бабушки / Сохранение религиозной традиции

Субъектом нарратива выступает рассказчик, который ведёт повествование о себе. Особенности актанта-объекта, к обладанию которого стремится субъект, непосредственно затрагивают тему религиозного и секулярного.

На рис. 1 изображена схема актантной модели для жителей села советского периода.

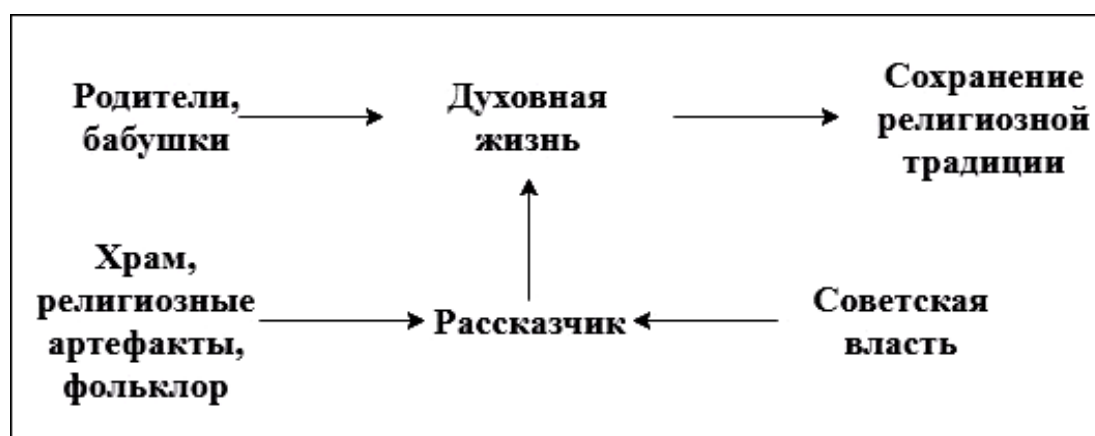

Рис. 1. Схема актантной модели для жителей села советского периода

Так, объект «духовная жизнь» в случае с сельскими жителями непосредственно подразумевает религиозность, а конкретно – православную религиозность и духовность. Для этого актант-объект необходимо рассматривать в неразрывной связи с актантом-адресантом. А им как раз выступает сохранение православной традиции, которое исходило от родителей и бабушек, то есть

жить духовной жизнью, сохранить православную традицию и веру родителей – именно это ясно проясняется в биографических нарративах данной группы участников исследования: *Мне мама сказала: “В какой вере родилась, в такой и умирай, никогда не меняй православие”*.

Опрошенный респондент 1928 года рождения пережила советскую эпоху будучи верующей. Напрямую она не подвергалась гонениям, но ярко описывает ситуацию советской геттоизации религии.

– Скажите, вы с детства верующая?

– Я с детства верующая...

– А у вас колядовали на Рождество?

– Ну... вот это... колядовали... А вот когда мы пошли уже в 5-й класс, я пошла в семилетнюю школу, нас очень ругали. Вызывал директор к себе, ругал за то, что мы колядовали, потому что наша деревня как-то была далековата от центра этого, от центра колхоза. То у нас очень праздновали божественные эти духовные праздники. И вот когда мы ходили колядовали, потом мы пришли после каникул в школу. И нас сразу же вызвали, всю нашу деревню, к директору, и директор нас там сильно ругал, что мы вот как будто бы верующие, ну, что праздновали этот праздник... А потом нас разрисовали в стенгазету, все смеялись, вся школа, что мы ходили с такими сумочками – ну, торбочки такие полотняные были раньше. И мы ходили по хатам колядовали, и нам что-то давали, как будто бы мы были какие-то побирайки, нищие какие. Сделали нас такими смешными, в общем. И нас вся школа смеялась.

– Обидно было?

– Ну как обидно?... Мы дрались с ними тогда...

В молодом возрасте респондент переехала в город и стала отходить от детской религиозности под влиянием окружающей обстановки.

– А потом перестала ходить. Перестала ходить и забыла молитвы. Вот как бабушка тогда меня учила...

– А вы учились в Минске или работали?

– Я работала. Я пошла работать.

– На работе знали, что вы верующая?

– Ну как, меня не знали, что я верующая. И я не сильно говорила, потому что я сама плохо знала всё. У меня ни книг не было, ни Евангелия не было – ничего. Я молилась: начинала «Отче наш», а заканчивала «Богородице» – всё у меня шло как-то вместе. Не очень знали на работе, на работе меня не трогал никто.

– Но вам приходилось на работе скрывать, что молились?

– Ну, просто молодёжь смеялась, что я тёмная, отсталая...

– А вот на работе не ругали?

– Не, не ругали на работе. А я им и не говорила... И потом, только однажды к нам участковый зашёл в дом, а у меня мамины иконы висели. Я забрала мамины иконы, когда мама переехала ко мне. Он пришёл и сразу обратил внимание на эти иконы, и спросил сразу: «Кто у вас верующий?». А я говорю: «Ну как верующий, я ничего не знаю, не понимаю, я, может, и верила, но я не знаю». «А вот иконочки, кто молится иконам?» – продолжал спрашивать участковый. «А это, говорю, мамины иконы, и я их выбрасывать не буду. Это мама верила, это мамина память, и я её не выброшу».

В период перестройки респондент практически сразу стала посещать церковь и вернулась к вере: *И когда я пришла в Кафедральный собор, тут уже Воскресная школа была, вот это мы начинали ходить. В общем, пошла церковная жизнь. И когда построили (не построили, а отдали нам, православным) Петропавловский собор, он был тогда киноархивом, то отец Георгий перешёл туда настоятелем и забрал нас туда, и мы перешли с ним туда в Петропавловский собор... Так мы в этом Петропавловском соборе ходили на службы, это наш родной храм стал.*

В советское время в небольших городах и сельской местности сохранялись геттоизованные очаги религиозных традиций. Интервью дала женщина 87 лет из Самарской области.

– Ну, а на работе знали, что вы были верующей?

- Знали, знали.
 - И начальство знало?
 - Да.
 - И как они относились к этому?
 - Нормально. Ну, это же я тогда училась, не работала.
 - Вот вы пошли работать, было, наверное, ещё сталинское время. Всё равно знали, что вы верующая? Соседки по общежитию знали, что вы ходите в храм?
 - Тогда мы все бегали в храм во время перемен (учебных перемен. – прим. авт. статьи).
- В сорок восьмом поступили. А-а-а... пишут сорок восьмой.
- Так написали?
 - Да, а потом направили в Курганское облоно.
 - В Кургане были?
 - Да. А Курганское облоно направило в город Куртамыш (это в Курганской области). Пе-
дучилище там было, два отделения: школьное и физкультурное отделения. Я работала в физ-
культурном отделении. Преподавала.
 - Там тоже храма не было?
 - Там был храм.
 - Работал?
 - Работал. Прямо перед зданием нашего училища храм был. Мы забегали. Так на службу
не ходили – нельзя было нам, танцы устраивали.
 - Окружающая обстановка не способствовала этому всему?
 - Ничего так-то.
 - Но девчонки ходили?
 - Ходили, были. Не всегда, не постоянно.
 - А кто, как вам показалось, обычно посещал храм в те годы?
 - Ну, посещали верующие, конечно.
 - А каков был их возраст, каково было положение в обществе? Работали они где? Или это
в основном были пенсионеры?
 - Ходили пенсионеры. Молодёжи мало было. Кто веровал, тот ходил.
 - А так не очень?
 - Нет. В то время всего одна церковь была в Куртамыше. А сейчас я не знаю, городом
назывался.
 - Он был городом, да?
 - Город Куртамыш в Курганской области.

Позднее респондент закончила педагогический вуз, но работала не учителем, а стала веду-
щим специалистом по лечебной физкультуре в посёлке Серноводске на курорте «Сергиевские ми-
неральные воды».

Следующий респондент, родившийся в 70-е годы XX столетия, вспоминает, как празднова-
ли Пасху родители и она, когда была ребёнком: *В советское время, в моё детство (80-е гг.
XX века) к Пасхе наша семья и семья тёти красили яйца и пекли куличи. Особенно вкусные куличи
получались у тёти. На Пасху в храм шли освящать красные яйца и куличи, потом был праздни-
чный обед, затем шли в парк, где проходили народные гуляния. Особенно запомнилось праздничное,
приподнятое настроение, которое было у людей. Все были нарядно одетые и радостные. Особен-
ных знаний о празднике “Пасха” не было, но народные традиции сохранялись. Например, смотре-
ли, как на Пасху “играет солнце” рано утром, умывались водой, в которой плавало красное яйцо,
чтобы быть красивыми, и т. д. Празднуя Пасху, люди вслух не говорили о ней. Сорокадневного
поста многие люди, естественно, не держали, но Пасху не забывали.*

В качестве промежуточного итога анализа данных интервью можно констатировать, что
советская секуляризация проявлялась в вытеснении религии не только из социального простран-
ства, но и из сознания людей, то есть жизненный мир тех, кто в детстве был верующим, по-
прежнему требовал проявления во внешних религиозных институтах, но реализовать это было
на практике чрезвычайно трудно. Тем не менее, обычаи и традиции, главными из которых были

рождественские и пасхальные обычаи, продолжали формировать жизненный мир людей, особенно в провинции.

Актантом-объектом в данном случае будет собственное мировоззрение, свободное от господствующей официальной идеологии, к формированию которого стремились люди в те годы. Дело в том, что главным мотивом (адресантом), движущим субъекта, является неудовлетворённость существующей идеологией. Сельские жители и выходцы из провинции старались максимально избегать её.

Как отмечает А. Юрчак, который не согласен с концепциями «лицедейства», в период позднего социализма граждане СССР находились в пространстве так называемой вневенности, то есть были одновременно внутри идеологического дискурса и в то же время вне его. Внутри, так как воспроизводили идеологически «правильные» действия и суждения по форме, а не по содержанию, поскольку содержание стало утрачивать свой смысл вообще из-за своего перенасыщения номинативными суждениями, «кочующими» из текста в текст, пристальное внимание к которым даже могло становиться причиной недовольства со стороны руководства. Важно было поддерживать видимость, и эта важность осознавалась именно на уровне формального «ритуала». Тогда на уровне «сознания» появилось определённое пространство свободы, которое заполнялось «античной историей и иностранной литературой, досоветской архитектурой и поэзией серебряного века, теоретической физикой и ботаникой, археологией и западной рок-музыкой, буддистской философией и православной религией, туристскими походами и альпинизмом» [7, 301].

Главное условие – чтобы это пространство свободы не было откровенно «антисоветским», то есть идущим вразрез с идеологическим дискурсом. В рамках «пространства свободы» в сельской местности допускались, как нами показано, пасхальные и рождественские обычаи и традиции. Это можно подтвердить и отражением в советской культуре не только на уровне упоминания, как в экранизации сочинений Н. В. Гоголя (например, «Вечера на хуторе близ Диканьки», 1961), но и в документальных съёмках жизни советской деревни (например, «Полесские колядки», 1972, СССР, Беларусьфильм). Между тем, как показали интервью, для многих, как и для опрошенных респондентов, религиозные обычаи и традиции стали основой будущего возрождения религиозности.

В заключение позволим себе изложить личный вывод, полученный на основе наблюдений: определяющим фактором высокой роли православия в отечественной десекуляризации последних десятилетий стала близость православного вероучения, культовой практики и жизни к народной культуре, народным обычаям и традициям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дивисенко, К. С. Опыт структурно-семантического анализа автобиографического нарратива / К. С. Дивисенко // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2013. – № 36. – С. 94-112.
2. Евстигнеева, Н. В. Модели анализа нарратива / Н. В. Евстигнеева, О. А. Оберемко // Человек. Сообщество. Управление. – 2007. – № 4. – С. 95-107.
3. Степанова, Е. А. Советский атеизм в контексте множественной модерности / Е. А. Степанова / Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. – 2014. – № 2. – С.67-82.
4. Цыплаков Д. А. Земное и небесное: этапы секуляризации русской духовной музыки / Д. А. Цыплаков, С. М. Цыплакова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 5-4. – С. 204-207.
5. Франк, С. Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк. – М.: Республика, 1992. – 511 с.
6. Шютц, А. Методология социальных наук. Мир, светящийся смыслом / А. Шютц. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 1056 с.
7. Юрчак, А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / А. Юрчак. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 664 с.
8. Taylor, Ch. A Secular Age / Ch. Taylor. – London: Harvard University Press, Massachusetts, 2007. – P. 543.